

АЛЕКСАНДР НОСОВ

АРХАТ

18+

Александр Александрович Носов

Архат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29797176

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-07814-7

Аннотация

20-летний герой в поисках смысла жизни. Жить ради того, чтобы быть «не хуже других»? Жить в стремлении к богатству и власти? Ради чего все это? Если не понимаешь себя, не понимаешь этот мир и не хочешь в нем жить. Оказываясь в мире сломанных судеб, алкоголя, наркотиков, кто-то скатывается к бездумному потреблению, кто-то – к растворению в другом, кто-то – к саморазрушению. Но есть другой путь, пройдя который, человек способен возвыситься над всеми трудностями, страданиями и обрести подлинную свободу. Это эмоционально насыщенная, светлая история о том, что выход есть всегда. Она придает мужество и помогает понять, чего мы действительно стоим.

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	19
III	29
IV	41
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Носов

Архат

«Утомляются и юноши и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа, обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут – и не устанут, пойдут – и не утомятся».

Книга пророка Исаии 40:30—31

Часть первая

I

Стрелка часов ритмично приближалась к пяти вечера. Сосредоточенный взгляд Луки медленно передвигался вниз по строчкам книги Жан Поль Сартра «Тошнота». Чтение быстро утомляло его и, откладывая книгу в сторону, он ходил в задумчивости из одного конца комнаты в другой.

В комнате полностью отсутствовал уют. Она вся была загромождена старой мебелью. В замкнутом и безвкусно обставленном пространстве преобладало давящее ощущение тесноты. Обстановка в квартире как будто застыла во времена Советского Союза: обои с красными цветочками, ковры на стенах и хрустальная посуда в обветшалом коричневом серванте, загородившим собой окно. Только в углу большой комнаты вместо портрета Ильича, печальный взгляд с иконы Богородицы сострадательно взирал на жильцов.

В этой двухкомнатной квартире старого панельного дома Лука жил вместе с матерью.

Однажды в своей тускло освещенной комнате Лука попытался убрать с полок серванта посуду из хрусталя в ящики, выставив на их место книги. Разразился большой скандал, из которого он вынес: «Не трогай! Твоего здесь ничего нет».

После этого случая ему пришлось оставить все попытки хоть как-то облагородить свою комнату.

С виду двадцатилетний Лука был высокий, худощавого телосложения. Седые волосы рано появились на темно-русой голове.

Имел склонность часто предаваться размышлениям, погружаясь глубоко в себя, и раздражался всякий раз, если что-то внешнее прерывало поток мысли. Задумчивое выражение лица и узкие карие глаза с тяжелыми веками сразу же давали понять окружающим, что он находится где-то в другом месте.

Лука жил, в своем собственном мире, проявляя мало интереса к происходившим событиям вокруг. Никогда не тратил времени на просмотр новостей и чтение журналов. Ни разу в жизни не ходил на выборы. И когда мать упрекала за это, с его тонких, плотно сжатых губ соскальзывала легкая и едва заметная улыбка.

– Мне от них ничего не нужно, пусть и они ничего не просят у меня, – обобщал он свои общественно-политические взгляды.

Его речь была тихой и медленной. Даже когда смеялся, то почти не издавал при этом никакого звука. В движениях тела прослеживалась зажатость и неуверенность. Его застенчивость уживалась одновременно с чрезмерной гордостью. Особой скромностью Лука отличался при общении с девушками. Он не считал себя сколько-нибудь привлекательным.

Некоторые из них находили вполне симпатичным его смуглое лицо, но отчужденность Луки и неизжитые подростковые комплексы оставляли мало шансов, отыскать точки соприкосновения.

Перелистывая пожелтевшую страницу книги, Лука поймал себя на мысли, что за весь день еще ничего не съел, а только утолял голод сладким чаем.

На кухне он аккуратно нарезал тонкими ломтиками белый хлеб, масло, сыр и вскипятил чайник. За столом он принялся с жадностью поглощать бутерброды, запивая душистым кофе. Резкий звук поворотов ключа в дверном замке нарушил трапезу. Дверь распахнулась и в прихожую влетела тощая женщина, с короткими медно-рыжими волосами. Когда она переступала порог, у одного из пакетов оборвалась ручка. С шумом он грохнулся на пол, под выкрики отборной матерщины. Даже когда она говорила спокойно, ее дрожащий голос звучал на надрыве, словно она вот-вот заревет. Он резал и раздражал слух любого собеседника.

Движения ее тела были резки и суетливы, в них не проскальзывало и намека на женственность. Суетливость была неотъемлемой чертой ее характера, и она привносила ее всюду, где оказывалась.

При виде Луки выражение ее лица сделалось недовольным, и глаза навывкате осуждающе впились в него. Она возвращалась с работы в шесть вечера, и обычно Лука за полчаса до ее прихода уходил из дома к друзьям.

Ему показалось, что в тот день она специально вернулась на час раньше, что бы застать его дома и разжечь очередной скандал. В скандалах она получала разрядку и подпитку необходимую ей для жизни и никогда не упускала случая устроить шумную ссору. Точно на автопилоте она искала конфликтов, цепляясь буквально ко всему.

Она была одной из множества вечно сварливых, всем недовольных и бранелюбивых женщин заеденных неудавшейся жизнью. Настоящая бочка с порохом готовая рвануть в любую секунду.

Его мать не всегда была такой. В молодости она вела себя тише Луки. Случай в детской поликлинике разом вычеркнул скромность из ее характера. Когда на ее глазах равнодушные и обнаглевшие от безнаказанности медсестры жестоко обращались с маленькими детьми, а все вокруг молчали. В тот момент внутри у нее что-то надломилось, и произошел срыв. Она привела их в оцепенение, набросившись в бешенстве с осуждающими криками. А когда заметила страх в их лицах, то усилила напор. Мысль, что ее боятся, доставила ей удовольствие. Одним из самых приятных воспоминаний ее молодости был их испуг и то, как они «поджали хвостики и засуетились».

После этого случая она сделала вывод, что люди – это тупые животные, которые ничего не поймут, если на них как следует не наорать. Орать стало ее привычкой, а с годами укоренившаяся привычка переросла в потребность.

– Все кушаем? – спросила она с фальшивой лаской в голосе, скидывая обувь.

Лука не отвечал. Скрупулезными движениями он убирал остатки еды, в холодильник, понимая, к чему все идет.

Его мать в свою очередь, заметив беспокойство в движениях Луки, только больше распалялась:

– Все жрем? Работать не хотим, только жрать нам подавай, да?! – неистовствовала она лихорадочным голосом. – В старину лентяи считались самыми погаными людьми в народе.

В желании избежать нападок не обронив, ни слова Лука быстро ушел в свою комнату. Он закрыл дверь и попытался продолжить чтение, но дверь с треском ударилась об стену.

– Позакрывай мне тут двери еще, тварь! – кричала она, прожигая его осуждающим взглядом.

С тяжелым вздохом Лука отложил книгу и уставился на нее тусклыми глазами. Его выражения лица было как у человека, которого собираются принести в жертву.

– Чего тебе? – пробубнил он почти шепотом.

– Япона мать! Ты работать собираешься?!

– Я уже устал тебе объяснять. Как только найду, то чем хочу заняться так сразу же. Я не хочу делать, что попало и быть каким-то рабом.

– А я, по-твоему, хочу?! Жрать – то вон ты каждый день хочешь!

– Я еще от предыдущей работы не отошел. Дай мне немного времени найти себя.

– Долго ли ты за мой счет искать себя собираешься?! Вон Марк-то не сильно ищет себя – зарабатывает, – причитала она, пытаясь пристыдить сына.

Мать Луки имела склонность заниматься постоянным сравнением его и себя с другими. Для нее было жизненно необходимо, чтобы все было как у всех или хотя бы не хуже.

– Я как лошадь должна пахать за двоих?! Пока здоровый кобелина дома за книжечками высиживает. Рабом, видите ли, он не хочет становиться! Себя он, падла, ищет! Жрать надо?! Счета оплачивать надо?! А им скотам еще и любовь к работе подавай!

– Ты понимаешь, насколько коротка жизнь, чтобы горбатится на кого-то за кусок хлеба? – спросил Лука, сдерживая раздражение от ее выкриков.

– Ешь свой кусок! Долго ли на шее моей сидеть будешь? Присосался! Посмотри хотя бы на друзей своих: кто высшее образование получает, кто бизнесом занимается, семье помогает. А ты что за бестолочь такая?! – ядовито выкрикивала она.

В сердцевине грозной природы его матери глубоко сидел страх – оказаться в чем-то хуже других. В порыве обиды Лука попытался уколоть им, по опыту зная, что это ни к чему не приведет. Так как своего сына она воспринимала не как человека, а как личную собственность.

– А ты получила высшее образование? Или ты делаешь бизнес? Может, помогаешь семье?

Она молчала не в состоянии подобрать слов из-за нарастающего приступа гнева.

– Пойми, что это твоя жизнь! – продолжал он, возвысив голос. – И ты сделала свой выбор, не делай мой выбор за меня. Ты двадцать лет так поступала. Хватит! Услышь меня хотя бы раз! Я не хочу, работать на кого попало и кем попало. Работать ради желудка – это не жизнь, а я хочу жить!

– Ну и живи за свой счет, тварь неблагодарная! – ответила она, обиженным тоном сжав зубы, и громко хлопнула дверью.

Почти все их ссоры заканчивались этим предложением. Лука всегда беспрекословно принимал и соблюдал ее условия. Он находил быстрые подработки и скудно кормился сам. И каждый раз примерно через неделю его мать готовила сытный обед, уговаривая Луку отведать результат ее кулинарного труда. В приливе доброты она предлагала все забыть, и помириться как будто ничего и не было, а затем все повторялось по новой. Она продолжала попрекать его куском хлеба, и если Лука ел хлеб, то совесть ела его.

В глубине души, ей было страшно, что однажды Лука станет самостоятельным и полностью независимым от нее. Она боялась потерять постоянный источник, дающий подпитку в скандалах, необходимых ей как воздух.

Даже когда Лука работал и не давал поводов для придинок, она все равно находила причины быть недовольной. Ей был важен сам факт подчинения, чтобы все было, так как

она сказала. Чувство контроля, что она может при желании, на что-то влиять, наполняло смыслом ее существование.

В двадцать лет она переехала в город из небольшой деревеньки, с мечтами о хорошем образовании и достойной карьере. Поступила в институт, где повстречала отца Луки. Из-за беременности ей пришлось отложить свои амбиции до лучших времен, которые так никогда и не наступили. Они поженились. Вскоре у молодой семьи родилась дочь, но через три месяца из-за ошибки врачей умерла.

Трагедия потрясла семью. После этого случая, желая хоть как-то убежать от жестокой реальности, она чрезмерно воцерковилась. Но вся ее фанатичная вера сводилась к зажиганиям свечей, покраске яиц на пасху и трепетным почтением внешних церковных ритуалов. При этом она не утруждала себя чтением Евангелие и не обременяла себя любовью к ближним. У нее было свое понимание любви: «если ближний делает то, что я велю ему, значит – он любит». И чем больше человек проявлял покорность, тем сильнее она наступала ему на горло.

Она полагала, что счастье заключается во внешнем комфорте, поэтому и мечты ее были скромны и непритязательны. Все ее грезы сводились к хорошему ремонту в квартире «как по телевизору». С этой целью она копила деньги, работая по несколько смен подряд. Ее всегда интересовало как у кого дома. Она находила в этом, какое-то соревнование. В часть ее планов входило, чтобы Лука непременно работал

где угодно и кем угодно лишь бы помогал ей своей зарплатой копить на ремонт.

Луку же в свою очередь раздражало, что ему предлагают разменять свою жизнь на чужие цели. В то время как на свою жизнь у него были другие планы. И весь последний год он тщетно пытался провести разделяющую черту между жизнью матери и своей.

По окончании учебы Лука долгое время провел в поисках работы. Все окружающие усиленно внушали ему, что без работы человек неполноценный и ее отсутствие делало Луку несчастным. Он устроился в крупную производственную компанию. Компания занималась оптовыми продажами текстиля. Одна из тех, где к работникам относятся как к неодушевленным предметам.

В его задачу входило обзванивать потенциальных клиентов по спискам и продавать, используя НЛП техники, которым еженедельно обучали на тренингах компании. От Луки требовалось влезть человеку в мозги, подобрав нужный шифр, чтобы превратить его в клиента и заставить сказать «да, мы покупаем». Он видел, как политика фирмы вынуждает его превращаться в настоящую пиявку и ему становилось противно от роли прилипалы.

Лука не хотел быть винтиком этой системы и с каждым днем становился напряженнее. Он ненавидел своего начальника. Один только его вид вызывал у Луки прилив злобы. Маленький брюхач использовал жизнь Луки и ему подоб-

ных как инструмент для осуществления своих целей. Хриплым фальцетом жизнерадостный толстяк шутил с людьми и лгал им. Он вечно дрожал от ответственности и полностью скидывал ее на своих подчиненных. Время от времени любил поучить жизни, поднимая вверх пухлый палец, он говорил, понизив голос, очевидные истины с видом, будто выдаст сакральные тайны. Луку удивляло, то, с каким раболепием все в компании заискивающе выслушивали пустой и самодовольный треп босса.

Он непонимающе смотрел на людей работавших вместе с ним. Их поникший взгляд, съезженная осанка, лишний вес, пустые разговоры – все кричало, что они сдались в игре под названием жизнь. С внешней стороны они выглядели успешными, но если всмотреться за их маски, то можно было разглядеть сборище аутсайдеров. Кредитами за дома и машины они были привязаны к повседневной определенности и стабильности. День за днем угнетенные духом разлагали остатки сознания в уютном комфорте рабства.

Луку раздражало ущербное чувство юмора коллег. Ему казалось, что заезженными шутками они пытались компенсировать неудачи в своей жизни. И стремились заполнить тишину пустой болтовней. Тишина вызывала у них тревогу и когда она наступала, глубоко внутри каждый из них слышал плаксивый шепот: «не так... не так должен я жить». С помощью радио они рассеивали тишину на работе, а дома их спасал телевизор. Его коллеги редко вникали в смысл

услышанного. Им было просто необходимо, что бы кто-то рядом постоянно говорил и неважно, что именно. Только слыша, чей-то голос они могли знать, что существуют.

С особым усердием тихие голоса в офисе желчно распускали слухи. Лука понимал, что в их списке слухов его имя лидирует. Изначальную обиду со временем заменило понимание; – Если человек не уважает себя, тогда как он может уважать, кого либо – рассудил Лука. Он не искал их расположения, и не желал ввязываться с ними в какие либо диалоги. Все разговоры с ними ограничивал темами, связанными напрямую с работой. На их вопросы отвечал коротко и никогда не задавал встречных в желании разузнать, что-либо про них, разрывая таким способом все диалоги. Из-за нежелания сближаться его считали зажатым и нелюдимым. Они никак не могли или попросту не хотели понять, что он считал их не интересными и пустыми людьми. В глубине души Лука презирал их за то, что они сдались.

Но больше своих рабочих обязанностей, начальства и коллег Лука ненавидел звук будильника по утрам. Это был сигнал делать то, что он не хотел. Идти туда, куда он не хотел, чтобы считать минуты, когда можно будет вернуться домой, и удобно развалившись на диване, продолжить чтение книг. Сигнал, поработивший его жизнь, запускал одну и ту же бесконечную цепочку офисного дежавю.

«Меня точит безысходность», – думал Лука, сидя за своим столом, разглядывая только что написанное им заявле-

ние на увольнение. – «Я чувствую, как с каждым днем постепенно деградирую здесь. Самое страшное, что со временем мне предстоит стать таким же, как они. Полюбить свои кандалы раба, быть в восторге от похвалы трусливого карапуза с его нескончаемым потоком ограниченных шуток про гаишников, автопром и тещу. Надежды всей жизни сведены к ожиданию выходных и зарплаты. А единственная радость – дождавшись выходных напиться до беспамятства, чтобы перестать чувствовать. Здесь не к чему стремиться, не о чем мечтать и не на что надеяться. Каждый день мне хочется забыться и стереть все из памяти, будто то, что происходит это не со мной, а с каким-то героем унылого фильма.

Интересно люди вокруг понимают, что умрут?“ – продолжал он, посмотрев по сторонам на окружающих – „Как долго получится убежать от понимания, что ты всего лишь батарейка? Которую выкинут и закопают в землю, сразу же, как только она перестанет генерировать энергию.

Что я делаю среди них? Ведь я не закабален кредитами как они... Скорее всего, меня держит в тисках страх смерти от голода.

Как долго я буду разменивать себя на эту суету? Еще год уйдет безвозвратно? Или десять? А может вся жизнь? Всю жизнь выполнять, чьи-то глупые приказы и пожелания. Должен же быть у этой жизни, хоть какой-то смысл?! Я чувствую, что должно быть нечто большее, чем нескончаемая борьба за существование. Когда изменяешь себе – платишь

собой, а для меня это слишком большая цена», – решил взволнованный Лука, подписывая свое заявление.

С тех пор прошло несколько месяцев. И все эти месяцы мать неустанно осуждала Луку за увольнение. Она требовала от него повторного обмена его свободы на зарплату. Лука в свою очередь противился ее принуждениям и в их семье скандалы загремели с новой силой.

– Присосался ко мне! – выкрикнула она с кухни страдальческим голосом.

Напряжение в квартире нарастало. Казалось, что воздух стал твердым и его можно резать. Лука начинал терять над собой контроль. Он чувствовал, что еще немного давления и эмоции взорвутся. В преддверии нервного срыва он быстро выбежал в подъезд, захлопнув дверь.

В такие моменты он лучше понимал своего отца, который не смог выдержать деспотичного характера жены и ушел, когда Луке было пять лет. После его ухода из семьи, Лука полностью остался без родительской заботы и внимания. У матери он не находил необходимой поддержки. Ее постоянные придирки и нервные вспышки отдаляли их друг от друга, делая посторонними людьми.

Луке заменили семью двое его лучших друзей. С детских лет друзья неразрывно держались друг друга, и если с кем-то из них случалась неприятность, то они в секунду бросали все свои заботы, чтобы помочь другу. Рядом с ними Лука чувствовал, что его полностью принимают, любят как родного

брата, и он без стеснения может быть собой. Поэтому когда нареченные братья находились рядом, ему становилось легче дышать. Они были его опорой, и только им он мог всецело доверять. Но даже с ними Лука старался избегать разговоров о своих наболевших чувствах, предпочитая отмалчиваться. За маской равнодушия он мастерски прятал эмоции, считая, что выставлять их напоказ – признак слабости.

II

Лука бежал вниз по грязным ступенькам от нарастающего крика матери, стараясь не думать о случившемся. Перед глазами мелькали незамысловатые рисунки и надписи на стенах подъезда. На некоторых этажах разбитые окна были заклеены картоном вместо стекла, а подоконники заставлены пустыми бутылками и упаковками от чипсов. Лука пробежал мимо нескольких дверей, и слышал, как пьяные, громкие крики просачиваются в подъезд из их тесных комнат, в которых тоже кипели скандалы.

На втором этаже разместилась компания с гитарой и горячительными напитками. Потолок над ними от прилепленных сгоревших спичек превратился в одно большое черное пятно. Под кроссовками слышался хруст кожуры от семечек. Компания занимала весь пролет и когда видела перед собой чужака, то никто не спешил расступиться чтобы дать пройти незнакомцу. В их не самом престижном районе все подъезды как один были похожи друг на друга. Лука пожал всей компании руку, вежливо отказав на предложение выпить, и поспешил на улицу.

На улице стоял конец апреля, пахло весной. По мнению Луки, самая лучшая пора года, когда можно снять шапку с курткой и гулять в футболке получая удовольствие от того как обдувает теплый ветер. С каждым днем все сильнее

ощущалось приближение лета.

В любую погоду у подъезда собирались старушки и жаловались друг другу на несправедливую жизнь, оценивая прохожих, которых рассматривали со щепетильностью жюри конкурса красоты. Луке было неприятно каждый раз попадать под их оценочные взгляды. Он проскочил мимо как можно быстрее, не получив ответа на свое брошенное «Здрассе».

Все дворы в районе имели форму квадратов. Не смотря на то, что по дворам с регулярностью дежурили полицейские патрули, район получил репутацию одного из самых беспокойных. Но Лука никогда не замечал этого, в отличие от чужаков случайно оказавшихся там ночью.

Двор был похож на грязную пустыню: под окнами у подъездов валялись пустые пластиковые бутылки и презервативы, а под ногами часто попадались шприцы с кровью. Лука помнил, что в детстве двор выглядел совсем по-другому. Качели и горки все, куда-то исчезло, только в центре двора сохранилась единственная лавочка, почерневшая от времени. На ней Лука заметил своего друга Яна, разговаривающего с кем-то.

На овальной голове Яна росли ярко рыжие постоянно взъерошенные волосы. Его длинный нос напоминал утиный клюв, а зеленые глазки, хитро бегали, глядя на все с усмешкой. По самому незначительному поводу маленькие толстые губы расплывались в широкую улыбку. В целом у него было

глупое выражение лица, мягкое и рыхлое тело. Одежда его хоть и была дорогой и модной, но смотрелась на нем нелепо и неряшливо. Его нелепость и неряшливость проявлялись не только в одежде, но и в движениях, словах, поступках.

Ян был обидчив, но никогда не мог подолгу злиться на обидчика. Все проблемы и обиды он быстро забывал, заливаясь искренним хохотом над шутками собственного сочинения. Зачастую его шутки отличались пошлостью и грубостью. В тоже время он излучал радость и доброжелательность, как преданный щенок, писающийся от восторга при виде хозяина. У него была душа ребенка, в которой Лука ясно видел светлое начало. Для него Ян был синонимом слова «добро». Он полюбил его с детства, как родного брата за его смешную детскую непосредственность.

Компанейский балагур, чей образ жизни напоминал постоянный праздник. Если Ян говорил с человеком пятнадцать минут, то уже искренне считал его своим другом. У него быстро появлялись толпы новых друзей и увлечений, которые затем так же быстро исчезали.

Ян не переносил одиночества. Шумные и многолюдные сборища были его постоянной средой обитания. К ним он испытывал настоящую страсть, от всего остального его ограждала праздная лень.

Отчасти в этом прослеживалась вина его матери, любившей Яна больше жизни и с готовностью прощавшей любую его выходку. Ей нравилось, что он всегда оставался большим

ребенком, постоянно нуждающимся в маме.

Она работала деканом в университете, где учился Ян. Хотя слово учился, будет неуместным, скорее, куда время от времени заходил Ян пообщаться со знакомыми, пошутить на парах и, развеселив всех, лишний раз искупаться во всеобщем внимании. Неудачи Яна в учебе не слишком беспокоили мать. Ее больше волновало, чтобы Ян хорошо кушал по три, а лучше четыре раза в день и не застудил ноги.

Многие преподаватели мечтали об отчислении Яна, но из-за его матери не могли порадовать себя. Те из них, кто относился ко всему проще, сами смеялись вместе со студентами над шутками Яна, понимая, что не стоит воспринимать его всерьез.

Мать Яна давно планировала переезд в центр города, но три раза он откладывался из-за нежелания Яна покидать родной район.

Его собеседник был длинным и костлявым со смуглой, точно грязной кожей и подглазицам в пол лица. На голове засалено блестели короткие жесткие волосы черного цвета похожие на колючки.

Лука нахмурился, когда узнал в собеседнике Яна бывшего одноклассника, которого еще с детства все прозвали Бесом. За годы кличка так приросла к нему, что никто уже не помнил его настоящего имени.

На восьмом классе школы образование Беса закончилось; Его выгнали за продажу таблеток на переменах. Беса это

не слишком расстроило, так как смысла учебы он все равно не понимал.

– Зачем время зря тратить, когда можно поднять бабла на улицах? – рассудил он для себя.

Спустя несколько лет после отчисления возле квартиры Беса постоянно крутились тощие и бледные люди с мутными глазами. Бес продавал героин.

Он трудился неутомимо, по двадцать четыре часа в сутки был тут и там. У его знакомых складывалось впечатление, что он никогда не спит и все время кружится как волчок.

Больше всего Бес не любил тратить деньги, он был экономен до маразма. Если что-то покупал – всегда торговался с продавцами, требуя скидок. Не зависимо от размера покупки всегда брал чек и аккуратно клеивал в блокнот. В конце месяца подсчитывал, сколько потратил и сколько заработал, стремясь в следующем месяце уменьшить сумму трат и увеличить заработок.

По его затасканной одежде, купленной на базаре и распространявшей запах пота было трудно предположить, что Бес – долларовый миллионер. Из атрибутов миллионеров Бес владел большим черным внедорожником. Он мог бы отойти от дел и не работать, живя на проценты от накоплений, но продолжал торговлю с удвоенной энергией. Он как будто мстил людям за пережитую в детстве нищету.

Его отношение к деньгам сформировалось из зависти к преуспевающим людям. По его мнению, именно они явля-

лись истинными хозяевами жизни и могли позволить себе купить все и всех. Навязчивая идея стать одним из них превратилась в миссию. Каждый его вдох работал на эту идею, устремившись к ней с диким рвением, он не выбирал средств достижения.

Луке он всегда напоминал крысу и внушал отвращение. Его насторожил их разговор с Яном. Ведь ни друзей, ни близких у Беса не было, только партнеры и клиенты.

Он с живостью что-то объяснял Яну, но заведя приближающегося к ним Луку, резко оборвал себя на полуслове и попрощался с Яном, сверкнув неровными зубами желтого цвета. Дерганой походкой Бес торопливо направился к своей машине.

Чем ближе подходил Лука, тем сильнее лицо Яна расплылось в глупой улыбке. Они пожали руки с братскими объятиями, ставшими за годы дружбы традицией.

– Как оно?

– Нормально. О чем с Бесом говорил?

– О том, что я восхитителен, – засмеялся Ян. – Нам пора, Марк звонил пять минут назад, спрашивал, когда придем, давай вызовем такси.

– Давай лучше прогуляемся.

– Совсем старика не бережешь, пешком ходить не кошерно.

– Я весь день дома просидел, хочется подышать воздухом.

– Откроешь в машине окно и дыши себе, сколько влезет.

Что дома-то делал весь день?

– Читал книгу, которую дал Марк.

Ян прыснул со смеху. Когда заходил разговор о книгах, он смотрел на собеседника, как на умственно отсталого.

– Давай все же лучше поедем, а то я ночью совсем не спал.

– Почему?

– Да сосед мой – подонок картавый, водочки накушался и всю ночь джихад своим домашним устраивал. Пришлось до утра слушать причины его недовольства жизнью.

– Почему слышимость такая?

– Вот и я думаю... Как будто этот злодей в соседней комнате глотку рвет. Думал уже ментам звонить, чтоб закрыли его года на три, – хохотал Ян – А что? Научился бы чиффрить, цокать сквозь зубы и по фене ботать. Потом бы спасибо сказал, – протараторил Ян, вытирая слезы от смеха.

– Пойдем, пойдем, разомнемся немного, – настаивал Лука.

– Ну, тогда зацени мои новехонькие брюки, – сказал Ян, вопрошающе глядя на Луку.

Он начал вертеться перед ним, привлекая внимание на свои красные зауженные штаны.

– Как педик, – отрезал Лука.

– Все так ходят! – смутился Ян.

– Значит все педики, – со вздохом парировал Лука.

Он считал большим минусом Яна его одержимость в одобрении других людей. Больше всего Яна беспокоило то, как

его воспримут и, самое главное, что про него скажут. В особенности Яна волновало мнение людей, которых он по какой-то причине воздвиг себе в авторитеты. К их мнению он прислушивался затаив дыхание, со священным трепетом глотая каждое слово. Потом цитировал обрывки их мыслей в каждом разговоре при любом подходящем случае. Порой Луке казалось, что Ян стремился слиться с ними, чтобы думать и чувствовать через них.

Помимо этого Ян затрачивал огромные силы, что бы соответствовать дутому образу себя и, как он выражался, «быть в теме». Он постоянно гнался за новинками в моде. Если в продаже появлялась новая модель телефона, Ян стремился первым приобрести ее. Он старался окружать себя людьми, стремящимися к тому, что в тренде. В своих тесных кругах они говорили только о том, что считалось популярным. С видом знатоков восхищались искусством, которого не понимали, но которое было принято обсуждать. Носили одежду, которая смотрелась на них глупо, но по какой-то причине считалась стильной. И так каждый день, они понемногу теряли себя, размениваясь на чужие мнения, которые приняли и отстаивали как свои.

– Лучше уж как педик, чем как быдло! – обижался Ян.

– А чем ты отличаешься от быдла? Уж не цветными ли штанишками в обтяжку с модным логотипом?

– Тебе с утра кто-то на яйца наступил? – обижался, насупившись, Ян.

– Извини, просто с матерью сейчас поссорился, – тихо произнес Лука, поймав себя на мысли, что пытается сорвать на друге свою злобу.

– Из-за чего? Тоже педиком ее обозвал? – поинтересовался Ян с напускным любопытством.

– Говорит, что бездельники считались самыми презренными людьми.

– Когда? – насмешливо спросил Ян.

– В старину.

– Урок истории от матушки? – засмеялся Ян – ты бы намекнул, что времена старины прошли, и пора бы снять со стен советскую роскошь.

Лука понимал, что делится с Яном подробностями о его конфликте с матерью, не имело смысла. Ян был не очень внимательным и чутким слушателем, так как самый большой интерес у него вызывал он сам.

Но в место сочувствия Ян часами рассказывал пошлые анекдоты, смешные истории и нелепости, случившиеся с ним в течение дня. Всего этого в арсенале Яна было в достатке. И Лука дал ему слово, поинтересовавшись – как прошел день? Слова сразу же потекли из Яна рекой, как будто он заранее ждал этого вопроса и готовился к нему, подбирая в мыслях наиболее забавные истории и шутки. Он во всех красках стал описывать, как опоздал с утра в институт, встретив друзей, и как потом отшучивался от преподавателя. С кем он познакомился на обратном пути, и какие

это «сказочные люди». Ян, не прерываясь, излагал свой рассказ громким голосом вперемешку со смехом и не мог наговориться, размахивая длинными руками.

Прогулочным шагом друзья приближались к центру. Машины становились дороже, улицы чище, люди элегантней и трезвей. Центр напоминал отдельный город и жил обособленно от остальной части. Элитные многоэтажные дома с зелеными газонами, коттеджные поселки, чистые улицы и ровные дороги были словно другим миром по сравнению с их районом.

Через полчаса они ехали в лифте на последний этаж одного из элитных домов, где снимал квартиру их лучший друг Марк.

III

Дверь оказалась не заперта, из-за нее доносились голоса и громкий смех. Без звонка и стука Лука с Яном вошли в прихожую, заставленную обувью. Жилище Марка за редким моментом пустовало без гостей.

Всего два месяца назад Марк покинул их район, перебравшись в просторную квартиру-студию. Она была оформлена в белых тонах в стиле минимализма. Марк не любил захламленности, тесноты и старался избавляться от всего лишнего.

На улице светило весеннее солнце, но окна были зашторены черными занавесками и тусклый желтый свет ламп освещал наполненную гостями квартиру.

Гости разбрелись по комнате, разделившись на три небольших группы. Первая горячо спорила о чем-то, стоя возле стены с книжными полками. Рядом с ними из колонок музыкальной установки в углу комнаты тихо раздавались надрывы Курта Кобэйна, вливавшиеся в общий поток шума. Вторая группа громко смеялась за барной стойкой, уставленной пивными бутылками. Основная группа с довольным видом развалилась на двух диванах, стоявших в середине комнаты друг напротив друга, разделенных зеркальным столиком. Марк сидел в центре среди них с важным видом, не выпуская изо рта сигареты, пересчитывал деньги. Его лицо просияло, когда Лука и Ян появились в комнате.

Марк был невысокого роста, на голову ниже Луки. Его мускулистое тело напоминало панцирь. Он ходил с выпрямленной спиной, гордо подняв голову, твердой походкой человека, знающего себе цену. У Марка были правильные черты лица: прямой нос, подбородок, а выделяющиеся скулы предавали всему лицу брутальную мужественность. За толстыми губами в два ряда сверкали ровные белоснежные зубы. Над раскосыми глазами карего, почти черного цвета нависали длинные брови.

Марк носил стильную, но не вычурную, как у Яна одежду черных тонов, что подчеркивало выразительность его глаз. Он был ухожен, опрятен и пользовался огромной популярностью среди девушек. Но в душе Марк призирали их, считая за «ограниченных и низших существ», которых в жизни по-настоящему интересуют всего две вещи: в молодости – внешность, а в зрелости – дети. Все его отношения никогда не длились больше недели. При расставании его не трогали переживания и слезы красавиц. Он воспринимал их как трофеи, был холоден и не слишком церемонился с людьми. Его пренебрежительное отношение еще больше распалило и тянуло их к нему. В его образе жизни видели некую романтику, очаровываясь его харизмой, остроумием, ореолом недоступности. А неудачи предшественниц словно наделяли его ценностью и делали призом для них. Каждая думала «уж я – то смогу его укротить», а на утро оставалась брошенной, так же как и остальные. Они как бабочки, предаваясь страсти, само-

забвенно летели на яркий свет костра, чтобы сгореть. Так его самолюбие получало подпитку. Оно было для него важнее отношений, не имеющих, по его мнению, никакого смысла.

В детстве Марка избивал отец. Жестокий и примитивный глава семейства не любил ни Марка, ни его мать и пользовался ею. Понимание того, что она все это видела и бездействовала, развило у Марка презрение к ней. Но он не мог ненавидеть своего самого родного человека, и ненависть выместилась на всех женщинах.

Мать Марка внушала ему с детских лет, что он особенный, не такой как все. В ответ на его проявление заниженной самооценки она прививала веру, что он намного лучше других, и Марк рос в стремлении быть выше этих самых других. В школе учеба давалась ему легко. Марк опережал по развитию сверстников, отличаясь среди них сообразительностью и широтой кругозора.

Когда его отца посадили на пять лет в колонию-поселение, мать не выдержала одиночества и ударилась в пьянство. После очередного длительного запоя она привела в дом очень жизнерадостного мужика со щетиной, огромным животом и запахом перегара. Всем своим видом он напоминал толстого и глупого медведя. Когда он напивался, то веселил окружающих, показывая «слоника» – энергично топчась на месте, тряся животом и выкрикивая с комичной интонацией «дяба – дяба, дя!». Мать умилялась на него, а Марк невзлюбил и периодически избивал отчима. Когда он пере-

ехал на съемную квартиру, то скандалы утихли, и всем стало проще.

Матери Луки и Марка работали вместе продавщицами в магазине. Мать Луки не упускала случая вспыхнуть в ярости, чему крайне способствовали пьяные покупатели. У матери Марка напротив, был мягкий и застенчивый характер, она всегда избегала ругани. Если на работе случались скандалы, мать Луки возвращалась изможденная, и дома несколько дней держался покой. В эти редкие моменты тишины Лука не выходил из дома, проводя за чтением книг, которые давал ему Марк. Он привил Луке любовь к чтению и в целом оказывал на него большое влияние.

Марк обладал проницательностью, развитым умом и блестящей эрудицией. Всегда знал, что и для чего делает. В нужный момент эмоции подчинял воле. Он говорил спокойным и уверенным голосом знающего человека, и если у Луки случалась проблема, он спрашивал совета, лишь у Марка, полностью доверяя его мнению.

Марк, Ян и Лука были одногодками, знали друг друга с возраста пяти лет. Жили в одном дворе, их водили в один детский сад, в школе они учились в одном классе, гуляли в одной компании. Все трое росли без отцов. Они считали себя братьями, но никогда не говорили об этом друг другу. Один из-за гордости, другой из-за скромности, а третий считал незачем говорить то, что и так всем ясно.

В пятнадцать лет они увлеклись боксом. Через неделю Ян

бросил тренировки, Лука был хилым, но из упрямства продолжал тренироваться. Марк делал быстрые успехи, к восемнадцати годам, получил первый разряд, став чемпионом области в среднем весе.

По окончанию школы Марк не изъявил желания поступить в институт вместе с Яном и единственным из друзей оказался в армии, где быстро завоевал уважение сослуживцев. Благодаря привычке тщательно анализировать свои мысли и поступки окружающих, Марк научился тонко чувствовать людей, с легкостью распознавая их мотивы. И при желании он без видимых усилий моментально располагал к себе окружающих.

По возвращению домой Марк находился в рассеянности, не зная чем заняться в жизни. Бес предложил ему подработку и за неимением перспектив Марк согласился продавать коноплю. Через Яна он познакомился с некоторыми из представителей золотой молодежи. С быстротою молнии он влетел в их круг и был принят со всеми почестями. Его образ олицетворял икону уверенного в себе победителя, которая была им необходима. Когда он говорил, то они прислушивались затаив дыхание, как к словам пророка. Они полностью очаровались им, сделав его своим идолом.

Марк пользовался ими, превратив в толпу своих постоянных клиентов. Когда он съехал от матери, то для заработка ему даже не нужно было переступать порог квартиры. Каждый день знакомые стекались к нему сами, увеличивая дохо-

ды, от продажи конопли.

После того как Марк расположил их к себе, возле него с утра до ночи вились толпы людей. Ему нравилось находиться в гуще событий. Он был как центр солнечной системы, вокруг которого постоянно вращались планеты, появлялись и сгорали звезды. И хотя людей вокруг он считал «туповатыми и без изюма», это никак не мешало ему быть со всеми в хороших отношениях. Он мог смеяться над человеком, высказывая в лицо жесткие колкости, и тому бы даже в голову не пришло обижаться или злиться на него. В этом состоял феномен Марка.

Его гости, подобно недовольным старушкам у подъезда Луки, считали своим долгом мерить каждого появившегося в комнате гордым взглядом, желая выставить оценку за внешний вид. Всякий раз, попадая под их оценивающие взоры, Лука испытывал давление, ощущая себя редким экспонатом на выставке.

Он сожалел, что ценных моментов проводимых наедине с друзьями становилось все меньше. Ему представлялось непосильной задачей говорить с ними по душам, чтобы кто-нибудь в комнате не усмехнулся над фразой, вырванной из контекста.

От смешавшегося запаха духов и дыма сигарет в квартире не хватало воздуха. Но Лука считал, что ему душно больше от того, что он дышит с ними одним воздухом.

В бесконечном потоке гостей одни напыщенные лица сме-

няли другие. Во всем этом движении Лука не пытался запоминать имен в отличие от Яна, стремившегося подружиться с каждым. Ян с искренней радостью записывал в телефон их номера, а когда звонил, слышал, как от него отвязывались со злобной издевкой. Бедняга хотел выделиться и самоопределится в безразличном ко всему обществу, не замечая надменности по отношению к себе. Над Яном смеялись, Марка возносили, а Луку не замечали, и каждый из них был рад своей доле. Лука понимал, что они были из разных миров и если бы не Марк, то он никогда бы не оказался в их узком и закрытом для посторонних мирке. Лука видел, что они обожествляли Марка, но презирали его с Яном. Он жалел, что Ян не замечал этого и желал во всем уподобиться им. Он так же одевался, разговаривал, повторяя их шаблонные фразы, но в остальном угнаться за ними ему не хватало средств. Так как у них было все самое лучшее: дорогие иномарки, элитные зоны во всех ночных клубах, кафе и ресторанах. С детства их лелеяла потворствующая во всем прислуга, готовая в любую секунду исполнить прихоти.

Родители никогда не ограничивали их расходов, так как не хотели, чтобы их отпрыски знали о существовании тех проблем, с которыми они столкнулись в молодости. У них было желание огородить наследников от борьбы, дав им все самое лучшее, и в этом они видели проявление своей любви.

К своим годам их дети видели самые красивые части мира. Возможно, поэтому ненавидели свою страну, брезгливо

называя ее «рашкой». Они задыхались в городе и мечтали навсегда уехать в теплый уголок на берег океана. Ненавидели окружающих, им все казались смешными и нелепыми. Все, кроме самих себя.

В своей изысканной жизни они не знали никаких бытовых проблем. Они казались им непонятной суетой обременяющей лишь «ни на что неспособных, мелких людей». На таких людей из нижних и средних классов они брезгливо взирали, как на одноклеточные организмы с едва заметной ухмылкой, воспринимая их как фон своей «успешной» жизни. Те в свою очередь по-разному относились к ним: Кто-то их просто не замечал, кто-то презирал, кто-то ненавидел, но были и те, кто смотрел на их новые машины, одежду из дорогих бутиков с завистью и одновременно с восхищением. Поклонник автоматически наделял их в своем сознании всеми благородными качествами и становился прилебителем в надежде поймать хоть какие-нибудь крошки от их образа жизни.

Сибариты с надменным взглядом, праздными мыслями, замороженными чувствами не выносили одиночества и собирались в большую кучу называемую «тусовкой». Их инфантильная жизнь протекала без движения, без борьбы, и повергало сознание в летаргию. Отпрыски состоятельных родителей с атрофированной волей не нашли более легкого выхода из усыпляющей скуки, как веселить наркотиками и сплетнями изнеженные от роскоши души.

Свои дни они проводили, норовя отдать предпочтение тому, что, по их мнению, было круто. Им было мало просто съездить на отдых. Вот напиться до бреда, выехать на встречную полосу и попасть в аварию – это для них было круто. Крутым считалось, все, что заставляло биться сильнее ленивое сердце. Они шли на многие глупости, чтобы почувствовать себя живыми. Считали, что если в твоей жизни ничего не происходит, значит, ты как все. Быть, как все, считалось оскорблением в этих кругах.

Холодное и циничное общение в «тусовке» с виду походило на дружбу. Хотя дружбой их отношения можно было назвать с трудом. Скорее это напоминало тень дружбы, ее подделку. Дружба не могла возникнуть там, поскольку им доставляло истинное удовольствие перемывать кости знакомым, плодить слухи и выискивать недостатки. Когда обсуждаемый заходил в комнату с ним все дружелюбно лобызались и принимались продолжать рыться в чужом грязном белье тех, кто отсутствовал. Создавалось впечатление, что у них была острая потребность кого-то грызть. И если бы случилось, так что знакомых у них вовсе не оказалось, то они бы загрызли сами себя.

Все они походили друг на друга, но каждый стремился выделиться и быть лучше других, но не мог блеснуть ничем кроме дорогой обновки и лжи, поскольку вся их жизнь вертелась по замкнутому кругу состоящего из сплетен, наркотиков, слухов, и расплескивания желчи. В целом они были

очень озлоблены и тот, у кого родители находились в большем достатке, был озлоблен более остальных, хоть и удачно скрывал свой волчий оскал за дружелюбной улыбкой.

Лука расположился рядом с Марком и задумался, ощущая на себе их обжигающие взгляды: «Можно ли считать себя выше всех, ковыряясь в грязи»? Он негодовал на то, что Ян с энтузиазмом нырял с головой во всю эту грязь. Поступая так не из-за своего характера, а с целью вписаться и быть принятым наравне с остальными.

С громким хлопком Марк открыл бутылку пива и протянул ее Луке. Неторопливо глотая, Лука ощущал, как холод разливался по горлу и отдавал теплом в животе. Он непроизвольно съежился. Его сковывало чувство неловкости среди напускной мишуры вокруг.

За столом, в сопровождение глухого кашля, одна за другой передавались по кругу папиросы, набитые коноплей. С каждой затяжкой Лука ощущал, как тело наливается тяжестью и становится обмякшим. Внутренняя напряженность растворялась. Ему становилось легче находиться среди пафосных фигур вокруг и мир казался более дружелюбным местом. На лице расплылась бледная улыбка, а взгляд сосредоточился на гостях Марка, споривших о том, какой бренд лучше. Лука не понимал в брендах и смотрел на них как на пришельцев с другой галактики. Впиваясь взглядом в их лоснящиеся лица, он силился понять: «Почему одним судьба дает все в избытке, что их начинает тошнить от перенасыщения,

а другим приходится отдавать свою жизнь в обмен на зарплату? Ведь карманные расходы этих мажориков составляют несколько годовых зарплат обычного человека. В то время пока они беззаботно нюхают кокаин и раскуриваются анашой, прибывая в своем эксклюзивном мире, большая часть выживает в тихом безнадежном отчаянии, с единственной заботой – дожить до следующей зарплаты разменивая свой разум, душевные силы на бытовуху и монотонный труд.

Почему для одних жизнь – Диснейленд, а для других место, где нет ничего кроме пустой и безнадежной суматохи за место под солнцем? Где день за днем в людях убивают мечту, надежду, самоуважение, превращая в безвольную скотину, которую со всей силы можно пинать ногами, а она даже не издаст звука и не моргнет. И вроде больше всего эта безвольная скотина боится умереть, но при этом избегает жизни.

А эти что? Вместо того чтобы кому-то помочь они хвалятся дорогими игрушками как маленькие дети в споре, чей папа самый сильный. Интересно если бы у всех людей было, то же самое, имело бы это хоть какую-нибудь ценность? Стали бы люди мечтать и тратить свои жизни в погоне за этими игрушками? Вряд ли. Не было бы главного – это не производило бы впечатления. Почему то все решили, что цель жизни – произвести впечатление на тех, кого сами же презирают?

Зачем они гонятся за одобрением, соперничая друг с дру-

гом в стремление быть круче? Они соревнуются во всем: чья машина дороже, чей отдых лучше, у кого пассия привлекательней. Даже свои отношения они выставляют напоказ, словно ювелирное украшение.

Противно смотреть, как в ход идут какие-то вымышленные истории... Интересно, зачем они это делают? Зачем врут? Или просто это одна из попыток замаскировать бессмысленность своего существования? Возможно, думают, что без своей лжи никому не будут интересны?»

Звонкий смех в коридоре рассеял его мысль, и в переполненную комнату полную дыма вошла компания из трех человек.

IV

Первыми Лука увидел восемнадцатилетнюю дочь местного депутата Дашу и двадцатидвухлетнего сына архиерея Арсения, держащихся за руки. Даша была брюнеткой монгольского типа очень милой внешности. Короткая и обтягивающая одежда подчеркивала упругость ее фигуры. Даша ходила в лучшую частную школу города, но при этом ухищрялась не знать многих элементарных вещей. Так же как и остальные друзья в компании, она пыталась убежать от одиночества, проводя дни в разъездах по бутикам, салонам красоты, кафе и клубам.

Ее спутник был полного телосложения с утонченными, почти женскими чертами в лице. Он учился в духовной семинарии и собирался идти по стопам отца. В компании его называли «святая простота».

Он поприветствовал всех тихим голосом и окружающие сразу же набросились на него с уговорами выпить пива и покурить конопли. Они поступали так каждый раз, при его появлении. Вид пьяного семинариста доставлял им бесноватое веселье. И каждый раз Арсений поддавался их уговорам, не в состоянии противиться большинству.

Следом за ними в комнату вошла, игриво заливаясь смехом восемнадцатилетняя девушка, с длинными русыми волосами. От ее широкой улыбки во все лицо, глаза превраща-

лись в узкие щелочки и хитро смотрели на окружающих. Она держалась раскованно и непринужденно, говорила громким жизнерадостным голосом вперемешку со звонким смехом. Когда она говорила спокойно, то казалось, что в самом ее голосе как будто звучала насмешка над чем-то.

Ее звали Кирой. Лука не мог отвести от нее глаз. Она виделась ему словно из другого мира, с планеты счастья, где ее никогда не обжигали лучи земных проблем. В ней изящно сочеталось лицо наивного ребенка и соблазнительное тело сформировавшейся женщины, одетое в легкое как пух белое платье.

Ее могла рассмешить любая мелочь, все казалось ей смешным и забавным. Во время приступов смеха хомячьи щечки расплывались, и лицо выражало довольство жизнью. В моменты, когда улыбка не играла на лице, глаза широко открывались и делались немного испуганными. В эти моменты ее внешность преображалась, лицо становилось неподвижным, в нем переплеталась мягкость с нежностью.

Кира выглядела предельно открытой и могла поддержать любую беседу. Два раза в год родители отправляли ее путешествовать по миру, вследствие чего у нее сложился широкий кругозор. К тому же отец с ранних лет приучил ее много читать. Ей нравились книги и фильмы с жестоким сюжетом, в которых герою необходимо сделать тяжкий выбор: убить кого-то из своих родных, а кого-то оставить на свое усмотрение, иначе умрут все. Или выбор, где герою предлагается от-

резать себе руку, и от этого зависело, выживет его жена или нет. Трагедии и страдания людей вызывали у нее неподдельный интерес. Она рассматривала чье-то горе с равнодушным любопытством ученого лаборанта, разрезающего скальпелем лягушку.

Ей не удавалось усидеть на месте, и она всегда куда-то ездила на фестивали, выставки, концерты. Пыталась освоить искусство: живописи, сочинения стихов, фотографии, — но не могла сосредоточиться на чем-то одном и быстро забрасывала свои увлечения.

Они с Яном с ходу нашли общий язык и со смехом непринужденно болтали. Предмет их болтовни не останавливался на чем-то конкретном, а прыгал с темы на тему. В ходе их дискуссий создавалось впечатление, что у Киры свое мнение на все.

Лука не мог оторвать взгляда от ее улыбки, она вызывала в нем приятные ассоциации. Из глубин подсознания всплывали воспоминания из беззаботного и счастливого детства. Когда отец был вместе с ним, веселил мать, и она постоянно смеялась. В те дни Лука слышал в точности такой же игривый смех.

Кира перестала смеяться, и приятные образы растворились, их место затмила другая картина из темных уголков подсознания, мрачная связанная с самым болезненным периодом детства, знаменовавшим конец их семейного эдема. Это случилось, когда у его отца на работе появилась новая

секретарша – Людочка.

Одна из тех женщин, что считают лесть женской мудростью и силой. В узкий круг интересов Людочки входили: магия, гадания и привороты. Лука видел ее всего один раз и ему навсегда запомнились ее бегающие при разговоре черные глаза.

Бывший муж Людочки некогда входил в элиту города. Случайная новость о многочисленных изменах жены сломила его. Он не нашел в себе сил вынести удар и спился, опустившись на дно. У Людочки возникла потребность в новом протее. Ей приглянулся отец Луки, стремительно поднимавшийся по карьерной лестнице.

Мать Луки до последнего пыталась сохранить брак, оставляя без внимания утренние возвращения мужа, при которых он с трудом удерживался на ногах. Она пыталась не обострять и ничего не говорила о помаде на воротничке его рубашки, выглядевшей клеймом другой женщины.

Однажды ночью Луку разбудил крик матери. Она не выдержала, когда в очередной раз пьяный муж вернулся домой без трусов. На ее вопросы он пытался успокоить, что они лежат в грязном белье. Она потребовала, чтобы он сейчас же нашел их.

Лука с матерью, словно под гипнозом наблюдали как глава семейства, тяжело сопя, ползал на четвереньках по полу ванной и копошился в грязном белье.

Дрожащий голос матери повышался, переходя в крик.

Во время своих поисков он выглядел отвратно, но жалость к отцу сжимала сердце Луки.

– Мама, хватит кричать на папу, – повторял он как заклинание.

Трусы, спрятанные в сумке у Людочки, не нашлись, и в ту ночь отец храпел лежа на полу в кучи грязного белья. Кроме него в семье никто не спал.

Всю жизнь Лука пытался стереть из памяти события случившиеся следующим утром.

Около входной двери, в вычищенных ботинках и одетый в пальто отец сжимал в руках сумку набитую вещами. В растерянности напротив него стоял Лука и держал за руку мать. С отрешенным видом она томно смотрела на него. Все молчали. Секунды тянулись как часы. Обстановка накалялась и напряжение делалось невыносимым.

– Посмотри ему в глаза. Он же, как зверь на тебя смотрит, – разрешила тишину мать.

Он поднял грустный взгляд с пола и трусливо заглянул в глаза сыну. Лука хотел вцепиться объятиями ему в ноги, крича в нервном припадке «Не уходи! Ты мне нужен!».

Напряжение парализовало его. Не в силах пошевелиться и вымолвить хоть одно слово он, в ожидании молча, смотрел на отца. Из широко открытых глаз слезы медленно сползали по щекам. Отец в растерянности смотрел на него. Вдруг в его голове промелькнула какая-то мысль, придавшая решимости. Резким движением он оторвал взгляд в сторону от сы-

на и отвернулся, выскочив за порог. Дверь хлопнула. Отец убежал, оставляя после себя невыносимую тишину. Лука боясь пошевелиться, продолжал стоять неподвижно в прихожей рядом с матерью.

Выйдя из подъезда, отец Луки прогулочным шагом направился к Людочке. Для него начиналась новая жизнь, и в ней для Луки не нашлось места.

– А папа скоро вернется? – спросил Лука после затянувшегося молчания.

Вопрос словно вывел из оцепенения транса мать и его оглушил, раздирающий душу плачь. Он впервые увидел, как ее лицо болезненно скривилось, а тело содрогалось от рыданий.

В тот день довольству Людочки не было предела, а мать Луки до ночи судорожно билась в истерике. Лука тихо сидел в своей комнате пытаясь разгадать, куда же ушел папа. Через неделю Луке исполнилось пять лет.

– Опять завис, – засмеялся Марк, оборвав его воспоминания.

Лука осмотрелся. Реплика Марка заставила обратить на него общее внимание.

– Перекурил походу... – пробормотал, выдавливая из себя смешок Ян.

– Все нормально, – сказал он тихо в надежде, что от него отстанут. В эту минуту Луке не хотелось пустых разговоров и лишнего внимания.

– Ну и, слава Богу! – оживился Арсений решивший влиться в разговор.

– Слава кому? – насмешливо спросил Марк, лукаво поглядывая на его спутницу.

– Богу, – в замешательстве повторил Арсений.

– Разве ты не знаешь, что он умер?

Из разных концов комнаты послышались хихиканье, и все внимание устремилось на них.

Для Марка была неприемлемой идея Бога. Он считал ее первобытным атавизмом и на само слово Бог реагировал с необъяснимым остервенением.

– Еще один неверующий, – снисходительно улыбался Арсений. – Должно быть ты, очень бесстрашный парень, да?

– А ты называешь себя верующим, потому что веришь? Или потому что боишься?

– Не пытаешься ли ты убежать от страха с помощью своих насмешек. Мне кажется, ты не показываешь вида, а в глубине, так же как и все боишься, что Бог тебя накажет.

– Было бы чего бояться. Пусть сначала догонит.

Хихиканья в комнате усилились, задев отпрыска духовной династии. Он усердствовал в получении религиозного образования и считал унижительным проиграть в подобном споре. Его задевали нападки в области, где он считал себя большим специалистом. Но больше всего его задевало, что они изливаются перед его новой девушкой, которая вместе с остальными беззаботно хихикала над глумлениями Марка.

– Какое-то у тебя детское отношение к серьезным вопросам, – обиженно пробубнил Арсений.

– Какой ты серьезный. Хочешь поговорить по-взрослому? Какой религии ты придерживаешься?

– Я христианин, – гордо сказал Арсений.

– Соболезную. Ты уж как-нибудь держись, не падай духом, – засмеялся Марк.

Раскат смеха в комнате становился громче и наглее. Публика воспринимала цинизм Марка за проявление большого интеллекта.

– Пойми, я не отрицаю, – продолжал Марк – возможно и существовал выживший из ума раввин, что умер на кресте. Так же как не могу отрицать кучу лицемеров ловко манипулирующих на страхе смерти и комплексах вины. Они выставили на продажу толпе мечты о рае, искуплении, спасении и прочего бреда, нагло обогащаясь на его смерти во веки веков. Аминь!

– Знаешь, еще Спиноза писал «Все что существует, существует в Боге», – с важностью выговорил Арсений.

– Спинозе конечно видней и главное звучит красиво, все как мы любим. Только по его логике, получается трое психопатов: Сталин, Гитлер и Мао, ухлопавших более ста миллионов людей существовали в Боге?

Арсений молчал потупив взгляд не находя ответа, сжимал в руке бутылку с пивом, а Марк продолжал наступать:

– Мы пытаемся говорить об абстрактных вещах, и я не со-

всем понимаю предмет нашего разговора. Я не видел Бога ни в магазине, ни в клубе, ни на улице, и я сомневаюсь, что кто-то в церкви видел его.

– А ты когда –нибудь, видел любовь? Трогал ее руками? – спросил Арсений.

– А что такое любовь, как не замусоленное розовыми соплями слово из дешевых песенок по радио?

– Это то, что отличает нас от животных.

– Разве животные не заботятся о своих детенышах подобно людям? Возможно, то, что ты называешь любовью просто инстинкт? А жить на уровне инстинктов в двадцать первом веке – помилуй меня ради своего воображаемого друга.

Подобно большинству ты повторяешь красивые слова о любви и Боге, не замечая, что в Африке люди умирают от болезней и голода. В Индии большая часть населения из низших каст живет как скот. В Китае дети прыгают с крыш заводов. Войны! Болезни! Где Бог? Даже если он и есть, нужен ли такой равнодушный Бог? Ты понимаешь насколько чудовищно, когда маленький ребенок, терпящий издевательства неистово умоляет Бога помочь ему, а Богу нет до этого никакого дела. Если он вездесущ и видит, как угнетают беззащитного, почему не заступиться? Почему оставляет молитвы тысяч таких детей без внимания?

– То, что ты в него не веришь, как-то помогает голодающим в Африке и терпящим несправедливость детям или больше помогает тебе в оправдании собственных пороков? –

спросил Арсений, презрительно взглядываясь в Марка.

– По-твоему люди, организовавшие крестовые походы, костры инквизиции, взрывы шахидов беспорочны? Вера в любящего Бога как-то помешала фашистам сжигать заживо тысячи людей?

Арсений молчал.

– Ведь только в этом и проявил себя Бог. Если он и есть, то мне жаль, что он не умер. Я вижу вполне логичным решение императора Нерона – скормить всех христиан львам.

– А тебе не кажется символичным, что ему не удалось скормить трех маленьких девочек христианок?

– Веру, Надежду, Любовь вспомнил, – улыбнулся Марк – думаю, это не более чем красивая ложь такая же, как с воскрешением Иисуса. Как будто его ученикам было трудно подкупить охрану и украсть тело. Если оно вообще было.

Все религиозные конфессии ничего не дали миру кроме мифов и налогообложения в форме десятины. Достаточно будет посмотреть на их лидеров. На чем они ездят, что жрут и где живут. Как они смогли улучшить хоть немного этот мир? Войн стало больше с их появлением и то, что люди продолжают подыхать от голода, их не особо беспокоит.

– Мне кажется, ты путаешь религию и Бога, – вмешался Лука, поймав на себе выразительный взгляд Киры.

Меньше всего ему хотелось спорить с Марком, но дальше терпеть глумительное кощунство был не в силах, так как Бог всегда оставался для него предметом размышлений над

непостижимой загадкой.

Марк, обрадованный новому оппоненту в споре, хотел разбить его доводами своих аргументов, но его перебил, начинающий заметно пьянеть Арсений.

– Знаешь, есть старый анекдот – произнес он более раскованно, подхватив Луку – к Богу пришли люди и задали примерно те же самые вопросы:

– «Почему ты не остановишь кровопролитные войны и голод? Доколе?!»

– «Вам не нравится все это?» – спросил Бог.

– «Конечно, нет!» – возмутились люди.

– «Вот и не делайте» – ответил Бог.

Марк с отвращением посмотрел на пьянеющего Арсения.

– Расскажи свои анекдоты матерям, потерявшим детей на войне, – с презрением отчеканил он.

– Но ты же сам мне когда-то говорил, что ни один народ не начинал войну по своему желанию. За каждой стояли тираны. Они провоцировали и направляли народы, сталкивая целые страны лбами. Возможно, так получалось, потому что люди предпочли следовать законам тиранов, а не Творца? – рассуждал Лука.

– «Не мир пришел я принести, но меч». Знаешь если посмотреть в истории на геноцид во имя любителя погулять по воде, походу, так оно и есть.

Творец – удобная выдумка, чтобы сдерживать общество и паразитировать на нем. Согласись, что идея бессмертия

очень заманчивая наживка, кто откажется? В природе человека постоянно искать кумира, что бы компенсировать свои комплексы неполноценности. Всю историю люди только этим и занимались, приписывали Богам то, чего сами не имели: могущество над стихиями, силу, вечную жизнь и молодость.

Египтяне обожествляли животных, греки природу, так же как и римляне, пока Константин не позаимствовал у евреев христианство. У кого в Риме оно нашло самый широкий отклик? У проституток, рабов, уголовников – у всех тех, кого называли черню.

– Не только! – возмутился Арсений – Находилось немало приверженцев из сената. Им приходилось скрывать свою веру. Потому что в Риме христианам было запрещено занимать высокие должности.

– Конечно, находились. Константин был гением и понимал, что запрет вызывает сопротивление. К тому же христианство вобрало в себя все основные языческие культы и в него ломанулись многие последователи Митры. Потому что для них не было разницы. К примеру, фестиваль солнца переименовался в Рождество, и все довольны. Туши свет. Красим яйца.

Но тут интересней то, как дальше поступил Константин. Хитрец пообещал им статус государственной религии, в обмен на поддержку в сенате, а в дальнейшем выполнил обещание, чтобы избежать бунта. В писаниях сразу появились

строчки о том, что все рабы, а всякая власть от Бога. Просто гениальный политический ход с целью дальнейшего контроля. Сам же он остался язычником и до конца жизни поклонялся культу непобедимого солнца.

– Ты можешь говорить, что хочешь, но православие создало Россию, – злобно сказал Арсений.

– Что тут сказать? Красиво стелешь ты, святая простота. Создало... И это тоже забавная история. В десятом веке, чтобы племена славян перестали топорами крошить друг друга, Князь Владимир отправил ученых мужей во все концы мира для изучения религий. Когда выслушал, их отчет понял, что приняв христианство, сможет подмазаться к Риму и Византии. На этом и основывалось его решение, что для нашего народца идеально подходит православие. Быстренько вырезали языческих жрецов, сожгли их священные тексты и начали проповедовать любовь к ближнему. Параллельно, вместе с принятием христианства, всех разделили на феодалов и рабов. Как так получалось, что церковь, возносившая молитвы любящему Богу, в течение веков уживалась в тесном соседстве с крепостным правом, которое по сути своей было рабством? И ты хочешь, чтобы я раболепно поверил этим лицемерным тварям и уверовал в их Бога?

Арсений, неужели ты сам не видишь, что вера твоя не более чем результат политических решений? Как писал Ницше «разума лишает не сомнение, а уверенность».

– Почему же он закончил свои дни в психушке? – спросил

Лука.

– Возможно, потому что его мышление намного опережало время, в котором он жил. Меня больше удивляет, почему католиков не отправляют в психушки? В Ватикане есть старик с надписью в трудовой книжке «наместник Бога на земле». Не шутка, он даже зарплату за это получает. И миллионы людей действительно верят в это привокзальное опорожнение! Я иногда думаю, какую наглость нужно иметь, и за каких баранов держать людей, чтобы выставлять хрыча за наместника Бога? Интересно, почему же сразу не Богом, отчего такая скромность? Уверен, если бы в его обязанности входил пункт о необходимости быть распятым, то желающих наместников бы не нашлось. Конечно, я может быть, чего-то не знаю, возможно: он летать умеет, проходить сквозь стены или по воде ходить? Скорее всего, вряд ли, вот с малолетними детьми сладострастничать это – пожалуйста. Еще кто-то удивляется на то, что они хотят легализовать педофилию.

Вникните. Только за этот год в педофилии были уличены пятнадцать католических епископов. Не один – пятнадцать! И это только те, кого за руку поймали. Думаете, их посадили? Нет. Возможно, отлучили от церкви? Тоже нет. Их отправили подальше в сельскую местность, где они продолжают «служить» Богу.

– Типа «здесь вы спалились на городских мальчиках, теперь жарьте деревенских», – проказливо хихикал Ян, развалившись на диване в позе русалки.

– Заплывшие жиром святоши – продолжал с нарастающей яростью Марк – разглагольствуют о душе и вечных мирах, но все их мысли как содрать с нас три шкуры уже в этом мире. Они учат подставлять другую щеку – что за чушь! Когда они сами ее подставляли?

Я не хочу поклоняться какому-то мужику без борьбы отдавшему свою жизнь как жертвенный ягненок. Жизнь не терпит неудачников и больно наказывает за слабость. Если кто-то захочет ударить меня по левой щеке, то я не буду подставлять правую, так и зад недолго подставить. Я отрублю ублюдку руку, чтобы неповадно было!

Вера в Бога – удел слабых. Присмотритесь, кто наполняет церкви? – Больные, старики и нищелюбы. Все те, кто не хочет напрягаться, чтобы улучшить свою жизнь. Им внушили, что можно просто быть зрителем по жизни, упиваясь тем, что ты грешная слабая тварь. Но вера в Иисуса гарантировано обеспечит тебе билетик на небеса.

Если они начнут, полагаться лишь на себя, а не на вымышленного Бога, становясь обеспеченными, то он им будет попросту не нужен. Не зря же больше всего атеизма в развитых странах.

– Так же как и суицида... – добавил Лука, в очередной раз, поймав на себе любопытный взгляд Киры.

– Легко отворачиваться от Бога, когда все хорошо – вступила со вздохом Кира – только, когда тебя жизнь по-настоящему прижмет – быстренько вспомнишь о Боге.

– В моменты, когда жизнь прижимает, я вспоминаю маму, а не Бога. Его вспоминает из-за страха тот, кто жил как аморальная мразь, а если человек жил ровно, то и не подумает.

Заметь, всплеск религиозной активности происходит во время войн. Если наука сделает людей бессмертными, то о Боге никто и не вспомнит, он станет достоянием учебников истории, где ему самое место. Ведь если Бог не желает или что еще хуже попросту не может помогать нам, то не слишком ли преувеличено его влияние? Жизнь станет намного проще, если скинуть этот балласт первобытных и никому не нужных взглядов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.